

С.И. ПОПОВ, Е.В. СИГАРЁВА

**ДИЛЕММА ВОВЛЕЧЕНИЕ – ОТСТРАНЕНИЕ
КАК ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА
ФИЛОСОФСКОГО АКТА (НА ПРИМЕРЕ ФАЛЕСА МИЛЕТСКОГО)**

В статье обсуждаются трансцендентальные по своему статусу, онтологические предпосылки философского мышления и философской деятельности, относящиеся к контекстальному плану мышления. Прослеживается путь становления человеческой духовности от состояния одержимости внешним миром до формирования сдержанного, благоразумного к нему отношения. Проводится мысль, что выбор стороны в дилемме «вовлечение – отстранение» является конституирующим фактором философского мышления и самого человеческого способа существования.

Ключевые слова: философ, философское умонастроение, вовлечённость, отстранённость, социальная жизнь, политика, душа

Попов Сергей Иванович - доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. E-mail: bende-ostap@yandex.ru

Сигарёва Елена Валентиновна - доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. E-mail: elenasigareva@mail.ru

S.I. POPOV, E.V. SIGAREVA

**THE DILEMMA OF INCLUSION – EXCLUSION AS A TRANSCENDENTAL
PREREQUISITE OF THE PHILOSOPHICAL ACT
(BASED ON THE LIFE OF THALES OF MILETUS)**

The article discusses some transcendental by their status ontological prerequisites of philosophical thinking and philosophical activity related to the contextual plan of thinking. The way of formation of human spirituality, from the state of being obsessed by the outside world to the formation of a discreet, prudent attitude towards it, is considered in the given article. It suggests that the choice of one position in the dilemma “inclusion – exclusion” is a constitutive factor of philosophical thinking and the human mode of existence.

Keywords: philosopher, philosophy of mind, involvement, detachment, social life, politics, the soul

Popov Sergey Ivanovich - assistant professor at the Department of Humanities, Kemerovo Institute (Branch) of Plekhanov Russian Economic University. E-mail: bende-ostap@yandex.ru

Sigareva Elena Valentinovna - assistant professor at the Department of Humanities, Kemerovo Institute (Branch) of Plekhanov Russian Economic University. E-mail: elenasigareva@mail.ru

Первичное привычное определение философской деятельности отсылает к древнегреческому значению слова «философия» и гласит, что последняя есть «любовь к мудрости». Если вдуматься, то данное определение, во-первых, нельзя считать правильным: определение не должно быть отрицательным; здесь же ясно говорится, что философия не мудрость (которая – удел богов), а лишь стремление, влечение к таковой. Во-вторых, анализ указанного первичного определения выявляет нескрываемый чувственный, проникнутый эросом характер стремления к мудрости: сорвать с Софии покровы, овладеть ею, как овладевают предметом чувственной страсти.

О том, что истоком философского умонастроения являются пафос, страсть, во-

одушевление, волнение чувств, вообще первичные бытийные импульсы пишут давно и много [1, 6, 8, 16]. Указанное умонастроение, понятно, родственно уже одухотворённому чувству – чувству, испытывавшему метаморфозу, обработку воздержанием, временем, нашедшему успокоение в благоразумии. Иными словами, философское умонастроение ассоциируется, скорее, с Ипполитом, чем с Женей Лукашиным из культового фильма. Полагаем, что, если можно называть философию «неравнодушным мышлением» (В. Кутырев), то именно в этом смысле.

Дилемму «страсть – благоразумие» удобно принять за духовные координаты философского умонастроения и в плане возникновения философии как исторического явления. Первая часть дилем-

мы отсылает к древнему религиозному культу Вакха-Диониса. «Это имя, – пишет Бертран Рассел, – вполне естественно, вызывает в нашем сознании образ бога с сомнительной репутацией – бога вина и пьянства» [11, с. 31]. Безумие и буйство, порождаемые употреблением вина, греки вслед за фракийцами стали понимать как божественные состояния, вызываемые вселением бога в поклоняющегося ему человека. «Поклонник Вакха восстаёт против благоразумия. В физическом или духовном опьянении он вновь обретает уничтоженную благоразумием интенсивность чувства, мир предстаёт перед ним полным наслаждения и красоты, его воображение вдруг освобождается из тюрьмы повседневных забот» [11, с. 32]. Вакхические оргии стали одним из излюбленных сюжетов для живописцев Возрождения – Нового времени. Полотна Тициана («Вакханалия на острове Андрос», «Вакх и Ариадна»), Рубенса («Вакханалия»), Веласкеса («Триумф Вакха») и другие хорошо передают момент сбрасывания прочь бремени добродетели, запретов, рассудочности.

Доктор Алье, один из центральных персонажей «Маятника Фуко» Умберто Эко, называет одержимость (богом, демоном, духом предка и пр.) выродившейся формой духовности [21, с. 255]. В своём аутентичном выражении культ Вакха-Диониса может только отталкивать. Не в этом виде он оказал влияние на возникновение философии, а в одухотворённой форме, приписываемой Орфею – персонажу древнему, полулегендарному и неясному. Более, нежели сам Орфей, известные нам «орфики», последователи Орфея и адепты видоизменённого им вакхического культа, заменяют физическое опьянение духовным, а одержимость – подвижничеством. Орфики отнюдь не одержимы. Воспринимая жизнь-здесь как страдание и скуку, они не пытаются бежать от них в исступление и помрачение рассудка, но живут надеждой на грядущее небесное упокоение и духовно-аскетическими упражнениями, призванными очистить душу уже в этом мире, – тем, что Владимир Ульянов-Ленин язвительно именовал «я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками» [7, с. 209]. Кстати, орфический культ, действительно, связан с земледелием и, как следствие, с вегетарианством, которые, впрочем, служат конечной духовной метаморфозе. «Посвящения в таинства и обряды [оргий] Орфея также отнюдь не чужды земледелия. Миф, по которому он околдовывал и завораживал всё, аллего-

рически намекает на то, что, благодаря одомашненным плодам, которые доставляет земледелие, он одомашнил всю природу и образ жизни диких зверей, а также укротил и искоренил заключённое в душах звериное начало. Так, верили, что он завораживал диких зверей пением и совершал все жертвоприношения и обряды, используя [в качестве жертвенных даров] плоды земледелия. Слава о нём обошла всех людей, и все восприняли земледелие» [15, с. 42]. В орфических же мистериях, по всей видимости, важным считалось не «снятие оков» добродетели, как в вакхической оргии, а передача тайного откровения о том, кто мы, откуда мы вышли и куда в конце концов придём, а также наставлений душе о правилах её поведения в загробном мире [15].

Страсть, воплощённая в вакхическом исступлении, демоническом буйстве – предельный случай того, что на языке онтологии можно назвать «вовлечением» в жизнь. Слабые степени вовлечения делят жизнь на мышление, понимаемое как чистое умозрение (так сказать, мышление с большой буквы), и обыденность, быт, включающие разнообразие формы практики и обслуживающего её мышления с маленькой буквы. Тяжёлые формы вовлечённости заставляют быть в постоянном внимании к миру, постоянно настороже. Замечательный испанский философ XX века Х. Ортега-и-Гассет в работе «Человек и люди» для контраста той двойственности вовлечения – отстранения, сопровождающей жизнь каждого из нас, людей, приводит в качестве примера животное – «самоотчуждение в чистом виде». «Долго и внимательно наблюдая за поведением антропоидов в клетке, непременно обнаруживаешь одну решающую черту, которая молниеносно высвечивает всю суть дела. А суть в том, что эти дьявольские создания постоянно на чеку, в тревоге: они неустанно смотрят, слушают, принимают, короче, ловят все сигналы, поступающие из внешнего мира. Их внимание поглощено окружением; они охвачены вечным страхом, что их настигнет опасность, на которую непременно придётся ответить: либо бегством, либо укусом, словом, мгновенным выстрелом мышечного рефлекса. Звери действительно живут в постоянном страхе перед миром и вместе с тем – в постоянном голоде, испытывая неутолимую жажду ко всему, что уже существует или только возникает. И эта жажда столь же беспредельна, как и страх. В обоих случаях внешние явления и события правят жиз-

нью животного, швыряют его, будто ма-рионетку, туда и сюда» [9, с. 483].

Попытаемся теперь экстраполировать вышеприведённые теоретические соображения на деятельность мыслителя, от которого традиционно отсчитывают начало древнегреческой философии.

Древнегреческий мудрец Фалес из Милета (~ 625-546) давно канонизирован историками философии в качестве Философа №1, своего рода «Гагарина философии» (тогда под «философией» понимали и науку тоже – вообще деятельность, нацеленную на рациональное объяснение мира). Фалес, согласно аристотелевой характеристике, – родоначальник того направления в философии, которое полагает основой сущего единое материальное начало [15, с. 109]. Но Фалес – «...и геометрии у греков первый открыватель, и природы точнейший испытатель, и светил опытейший наблюдатель» [15, с. 112].

Список достижений Фалеса на интеллектуальной ниве, который можно составить, опираясь на отрывочные сведения о нём у позднейших античных философов (ни одно из сочинений самого Фалеса до нас не дошло), и в самом деле впечатляет. Возьмём только относящиеся, как сейчас говорят, к «естествознанию»: открыл Малую Медведицу; первым назвал последний день месяца тридцатым (явно используя наблюдения фаз Луны); открыл дни зимнего и летнего солнцестояния (Фалес называет их «солнцеворотами»); открыл времена года и разделил год на 365 дней (вернее – целых суток); установил, что утренний заход Плеяд виден на 25-й день после осеннего равноденствия; разделил небесную сферу на 5 кругов: арктический (содержит никогда не заходящие звёзды), летний тропик, небесный экватор, зимний тропик, антарктический круг (который невидим); сделал «божественный расчёт» о Солнце: вычислил, что величина [=диаметр] Солнца составляет одну семьсот двадцатую часть проходимо-го Солнцем пути; установил равенство угловых размеров Солнца и Луны (половина углового градуса); предположил, что Солнце и звёзды состоят из земли, но при этом раскалены, Луна же просто состоит из земли; открыл, что затмения Солнца происходят вследствие его покрытия Луной и бывают только в новолуния. Фалес полагал воду началом всех вещей («всё из воды, и в воду всё разлагается»), рекомендовал закапывать тела, дабы те могли разложиться во влагу; учил, что всё образуется из воды путем её затвердевания (замерзания), а также испарения; учил, что

Земля плавает в воде, подобно куску дерева или кораблю, что реки подобны течам, а землетрясения – качке; полагал душу движущим началом, а космос – одушевлённым и полным божественных сил [15].

Первое впечатление от списка фалесовых открытий и гипотез – как всё это мог узнать один человек? Историки науки руководствуются хорошим принципом: если мудрец изобретает слишком много нового – его некому слушать. Записывается и передаётся то, что понятно современникам [20]. Раз Фалесу приписываются все эти открытия, значит, они были понятны его современникам, другими словами, у открытий Фалеса было немало безвестных соавторов, имело место быть что-то вроде «преднаучного сообщества» [18, с. 82]. По прошествии первого впечатления, впрочем, становится явной слабость некоторых фалесовых идей. Кроме того, недавние исследования вопроса вроде бы «отменяют» ряд приписываемых Фалесу достижений. Так, введливый анализ текстов и логики развития научных идей убеждает, что солнечного затмения 585 г. до н.э. Фалес не предсказывал (а лишь объяснил природный механизм такового) [20]. То же можно сказать о «доказательствах» Фалесом теорем геометрии – о том, что диаметр делит круг пополам или о так называемой «теореме Фалеса» о пропорциональных отрезках: они явно более позднего происхождения, поскольку доказательства наглядно очевидного требуют высокой математической культуры и, обладая Фалес таковой, были бы попросту непонятны в его эпоху [19, с. 155]. Концепция 4-х первоэлементов-стихий и концепция воды как старшего начала имеет ещё дофалесово происхождение (о первой упоминали мифические поэты Лин и Орфей, следы второй отыскиваются в древнейшем анонимном трактате «О седмицах») и была уже достаточно известна в эпоху, когда жил Фалес [19, с. 164].

Главное достижение Фалеса – не в области частных наук. Он был одним из первых интеллектуалов, кто перешли к обсуждению проблемы «Как мир устроен?» от присущей мифам постановки вопроса «Как мир возник?», а, выдвигая рациональные (и в этом смысле «естественные», а не мифологические) объяснения мира, этим приглашали формулировать рациональные же контртеории и контраргументы. Именно в этом смысле Фалес Милетский, его последователи и возможные безымянные предшественники предложили мышлению новую «площадку» или координатную сетку – иными словами,

произвели работу (сдвиг, переворот) философского значения и этим создали философию как форму знания и, что важно, как форму жизни. То есть мы молчаливо признаём, что философия, как мы её понимаем, существенно зависит от того, как первые философы мыслили и жили. Не случайно поиск аутентичных форм философской мысли и жизни, периодически возобновляющийся в истории культуры, всегда приводит к раннегреческим корням «любви к мудрости» в качестве вневременного образца. Так, русский философ В.С. Соловьев, различая философию как дело только *школы* и философию как дело *жизни*, отдаёт предпочтение второй, видя именно в ней стремление к духовной цельности человеческого существа, и находит её образец именно в Древней Греции [14, с. 179]. А широко известный в узких кругах Эдмунд Гуссерль в своей книге, итожащей десятилетия размышлений, говорит о первичности теоретической философии как разумного постижения мира, свободного от всяких связей с мифами и традицией, о «философской форме существования» – идущем от античных греков стремлении «сделать свободным себя и свою жизнь, построить её правила, исходя из правил чистого разума, из философии» [4, с. 139-140]. Поэтому нет ничего удивительного в апелляции к образу первого философа, когда встаёт вопрос о том, что философ может себе безнаказанно позволить, и что ему категорически не рекомендуется делать.

Решение указанной проблемы затруднено противоречивостью дошедших до нас описаний образа Фалеса. С одной стороны, он подаётся как разносторонний одновременно теоретик и практик, с одинаковым успехом занимавшийся философией, математикой, астрономией, коммерцией, политикой и законотворчеством [15]. Легко видеть, откуда здесь «растут уши» – этот образ философа содержится в легенде о Семи мудрецах (Биант, Клеобул, ...Фалес), которые через одного – тираны либо вожди партий по своему основному занятию (именно «статусные достижения», искусство в государственных делах и награждают в их случае эпитетом «мудреца»), и только Фалес, тоже отдавший дань политике, «пошёл дальше всех» (далее практических потребностей – авт.), перейдя к изучению природы. С другой стороны, свидетельства рисуют нам образ учёного-затворника, ничем, кроме своей «науки», не интересовавшегося. Данный взгляд опирается, прежде всего, на уже достаточно поздние мнения Платона и Аристотеля. В подтверждение

своих мнений тот и другой упоминают о случае, когда Фалес, погружённый в свои мысли, упал в старый высохший колодезь, а видевшая всё происшедшее с незадачливым философом то ли старая фракиянка, то ли юная хорошенькая служанка рассмеялась над ним: «Фалес-де, смотришь на небо (думаешь о чём попало – авт.), а то, что под ногами (реальную жизнь – авт.), не видишь!». Фалес, якобы, был задет этим за живое (а подобный упрёк «теоретику» всегда задевает того за живое) и, провернув удачную коммерческую сделку (уж не в первый ли и последний раз?) доказал, так сказать, всем, что философ способен добиться жизненного успеха, да не о том он грезит в часы уединения [15, с. 107].

Преподавателями философии упомянутое противоречие чаще всего просто не замечается как проблема: ну, есть оно, так составлены «Фрагменты ранних греческих философов» – основной источник сведений о философах-«досократиках» на русском языке, и всё. Проблематизация же даёт, как минимум, два толкования данного противоречия. Большой знаток античной философии и науки И.Д. Рожанский считает, что ранние древнегреческие философы вообще и Фалес в частности были разносторонними людьми, не в последнюю голову путешественниками, купцами, политиками и просто активными гражданами; образ же философа-затворника, чужавшегося активной жизни и общественных обязанностей, выдуман Платоном и Аристотелем. В частности, Аристотелем образ философа-созерцателя «срисован» с гораздо более позднего, нежели Фалес, философа Анаксагора (~ 500-428), по своему личностному складу, действительно, предпочитавшего «небесное» «земному», «срисован», поскольку как нельзя лучше соответствовал собственной Аристотелевой склонности считать целью философии истину как таковую, а не практическую пользу, и превозносить «созерцательную жизнь» [13]. Другая версия принадлежит историку науки Ю.В. Чайковскому (хотя, как пишет он сам, имеет более чем столетние корни). Она сводится к тому, что Фалесов в Милете было двое, с временной разницей между ними в ~ 150-180 лет. Фалес-старший был современником Гомера, поэтом и теологом, ему, видимо, принадлежит различие Большой и Малой Медведиц, 6 мировоззренческих афоризмов (в которых речь идёт о боге и ни слова о природных началах), сохранившихся в Дельфийском храме. Фалес-младший (625-546) известен нам как астроном, математик, философ (то

есть чистый «теоретик») и герой вышеупомянутой истории с колодцем [17]. Он мог иметь политическую позицию (был сторонником конфедерации ионийских городов перед лицом персидского нашествия), но это не делало его политиком.

Что нам дают изложенные версии образа Фалеса? Они позволяют зафиксировать проблему: философ – это вовлечённый в эпицентр социальной жизни человек, то есть гражданин, политик, семьянин и т.д., или философ – это отстранённый от всех житейских забот и хлопот «чистый» субъект духа? Сразу надо сказать, что эмпирическая история знала и философов-«вовлечённых», и философов-«отстранённых», причём их пропорция меняется вместе с исторической эпохой. В игровом тексте, посвящённом И. Канту, констатируется смягчение в целом отношения философов к браку. Древних философов перспектива семейной жизни с устрашающим списком супружеских обязанностей почти однозначно отпугивала, первые христианские философы так же с недоверием и настороженностью относились к «ярму брака» [3]. Сейчас будто бы философы принимают семейную жизнь, как приемлют и многое из того, от чего уклонился бы их коллега из эпохи античности или даже Нового времени. У философии и философа очень разные культурные и исторические образы. Важно разрешить вопрос в принципе, взглянуть на «любовь к мудрости» сквозь призму жизни сознания: позволяет философия вытворять с собой такие «закидоны» или же они ей противопоказаны? Ставкой в дилемме выступает, соответственно, потеря или сохранение философией её собственной сущности, вневременной формы, из века в век воспроизводимой интеллектуалами.

Обратимся, впрочем, к Фалесу и его анонимным соавторам. Философия (тогда под ней понималась и научная, то есть ориентированная на природу, интеллектуальная деятельность) реализовывалась у них как *самоотчёт души*, для чего душа должна прийти в наиболее ясное, чистое, «божественное» состояние. Иначе говоря, философское умонастроение имеет своим необходимым условием *отстранение от реальной жизни души*. Последняя «отсылает к многообразию видов переживаемого нами опыта – всего того, что наполняет смыслом наше сознание. Собственно, эти самые смыслы (как предметные, так и непредметные, слабо отрефлексированные) в их становлении и изменении и отношение нашего «я» к ним формируют жизнь «я». Жизнь тогда уместно

понять как непрерывный, длящийся поток переживаний, *феноменов*, а философскую рефлексию – уже как некое отдельное мета- по отношению к этому потоку...» [10, с. 161]. Иными словами, философское умонастроение специфицируется через «заключение в скобки» всех разновидностей житейских хлопот, забот, тревог, активностей и т.п., которые как пелена закрывают собой в обычное время все иные возможности въедения. Речь идёт о принципиальном моменте: философская рефлексия начинается с отстранения идеального носителя сознания (в классической западной философии его принято называть «трансцендентальным субъектом») от «радужного потока опыта». И этот фокус со своим сознанием каждый раз философу требуется осуществлять заново – он ТАК живёт! Характеристика ранних христиан неизвестным древним автором «Письма Диогену» прилагима также и к философам: «...обитая в своём отечестве, они словно чужаки; участвуя во всём, как сограждане, всё переносят, как странники; любая чужая земля – им родина, и любая родина – им земля чужая... Обитают на земле, но они граждане неба» [12, с. 35].

Для лучшей иллюстрации этой мысли упомянем пару известных «фигурантов» интеллектуальной истории. В отличие от Фалеса, труды которого, упоминаемые доксографами, до нас не дошли, другой философ-легенда античности Сократ принципиально ничего не записывал; «учение Сократа» – скорее, порождённая историками философии искусственность, может быть, и фикция. Сократ, как известно, «учил» устно, в живом диалоге, и мысль его двигалась туда, куда заводил диалог. Для Сократа внешняя форма его мыслительной деятельности (записи, труды, социальное продвижение исследований...) была тем же, чем для Анаксагора, Фалеса-младшего и им подобных: политика, богатство, социальный успех и прочие «тараканы бега» – занятием абсолютно нерелевантным и неприемлемым.

Другой пример взят из почти нашего времени. Как известно, у основания знаменитого Московского Методологического кружка в 50-е годы стояли в числе прочих и два антипода в решении дилеммы «вовлечённость – отстранённость» – А.А. Зиновьев и Г.П. Щедровицкий. Фронтвик Александр Зиновьев в пору своей тридцатилетней зрелости чем-то напоминал героя Венедикта Ерофеева из «Москва – Петушки» – «вписывался в атмосферу послевоенного МГУ если не идеально, то, во всяком случае, вполне органично. Он пил, валял дурака, сочинял сходу на экза-

менах «марксистские тексты»...» [5]. Позднее он хотя и стал создавать свою «общую теорию всего», но сохранил на всю жизнь стойкий иммунитет к ангажированности общественным. Как Сократ на чисто поведенческом, разговорном уровне изобрёл свою «майевтику», так Зиновьев изобрёл и практиковал «зиновьюгу» – искусство жизни, состоявшее в систематическом саботаже социальности. Стратегия Георгия Петровича Щедровицкого – бессменного руководителя и вдохновителя кружка – была в корне иной: «не уход от социума, а конструирование вокруг себя иного социума, «своей банды», говорящей на своём птичьём языке и живущей по своим правилам» [5]. Эта стратегия – строить свой мир, а потом на его основе менять мир окружающий – изначально ориентирована экстраверсивно и манипуляторно: на вооружённое «методом» вмешательство в жизнь.

Разумеется, онтологическая дилемма, названная нами «вовлечением – отстранением», и дилемма «страсть – благоразумие» как её психологическая корреляция – это не такие конфликты, говорит Б. Рассел, где мы должны становиться целиком на сторону только одной из партий [11, с. 32]. Цивилизация в человеке тождественна благоразумию, но последнее легко может привести к утрате самых лучших сторон жизни. «Подобно всем народам, быстро пришедшим к цивилизации, греки <...> развили в себе любовь к первобытному. Они жаждали поэтому более инстинктивного и полного страстей образа жизни, нежели тот, который им предписывала ходячая мораль» [11, с. 31]. Боги не любят благоразумных, что показывает хотя бы финал легенды об Орфее и Эвридики. Орфея растерзывают бешеные менады и это символизирует конечную расплату перед жизнью за мысль. Известный сибирский философ Георгий Баранов не мог в этом отношении не съязвить: «Философия живёт и дышит идеей порядка, упорядоченной гармонии, она стремится внести размерность и размеренность не только в жизнь людей и зверей, но и лесов и камней, в саму природу. Жизнь же есть беспорядок и хаос, и случайность, и похоть, и вакхическое празднество <...>. И как бы ни пытался орфизм (философия) упорядочить мир, «усмирить» его хаотичность, «аналитически разумно» расчленить и гармонизировать его, жизнь берёт своё, и «фракийские жёны», обуреваемые витальной энергией <...> в вакхическом исступлении вновь всё возвращают «на свои места» [2, с. 415-416]. Утрируя, можно сказать, что усилия Орфея по

упорядочению мира тщетны. Философская деятельность в её конкретном выражении вполне может оказаться такой же тщетой, сколь и яростно обличаемая нами на этих страницах рутина жизни. Однако философию не обязательно редуцировать к одной из форм символического упорядочения мира. На наш взгляд, наиболее ценным в философии элементом является всё же то особое уmonoстроение, что возникает в результате удавшегося эпох – отстранения от мира и результируется смысловым сдвигом, позволяющим увидеть мир «как бы впервые». То есть собственно философский «прорыв» сводится к этому сдвигу, перестраивающему опыт сознания; дальше имеет место обычная рациональная мыслительная работа. Если брать не индивидуальный опыт сознания, а историю того, как человек учился мыслить, первый такой «сдвиг» произошёл ещё у древнегреческих орфиков, ещё в рамках и на материале мифа замесивших оргиастическое начало дионисийского культа духовным содержанием. Второй подобного рода «сдвиг» у Фалеса и его безвестных предшественников – современников привёл к рациональному и концептуальному мышлению – новой мыслительной «площадке». Драматизм возникновения очередной философской «площадки» во время и после европейского Ренессанса связан с повторным прохождением и преодолением мышлением «возрождённого» им раннеантичного синкретизма с его оргиастическим отношением к миру и одушевлением природы и формированием уже современного понятия природы.

Философ в точном смысле этого слова не человек, а функция: это просто взгляд, опосредованный удачно исполненным эпох, отстранением, сдвигом, которые есть только тогда, когда есть. В том аспекте, в каком философ не только чистое сознание, а ещё и человек, живущий в конкретном месте в конкретную историческую эпоху, мы говорим о нём как о «чудачке», «небожителе», «лузере» и т.д. Таким образом, философа от прочих людей отличает не только круг интересов, но и образ жизни, и только сплав первого со вторым может сделать его значительным мыслителем. Иначе говоря, принесение жизни в жертву предназначению необходимо. В эпоху античности философы держались и даже бились за образ жизни (милетцы, пифагорейцы, киники, эпикурейцы...). Образ жизни философа – это первое, что атакуемо соблазнами и утрачивается под их действием (затем – и круг интересов). Вовлечение, встраивание в

том или ином виде в жизнь окружающих философу опасно – за это он платит своей самоидентичностью философа (ничего равноценного не приобретая взамен).

Таким образом, отстранение или вовлечение (в политику, обыденность, семейную жизнь...) – выбор, где ставкой является «о, боже, моя душа» (т/с «Твин Пикс»). А это обстоятельство автоматически переводит вопрос в ранг значимого не только для философов. То есть это «вообще вопрос – основной вопрос экзистенции», как говорит один из героев Умберто Эко («Маятник Фуко»): Кто такой я? И куда мне идти?

Список литературы

1. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1975. – С. 63-367.
2. Баранов Г.С. Философия метафоры / Г.С. Баранов. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 472 с.
3. Ботюль, Ж.-Б. Сексуальная жизнь Иммануила Канта / Ж.-Б. Ботюль. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_02/10.htm.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию (главы из книги) / Э. Гуссерль // Вопросы философии. – 1992. – № 7. – С. 136-176.
5. Крылов К.А. Памяти Александра Зиновьева / К.А. Крылов. – Режим доступа: <http://zinoviev.org/az/alexander/memory/konstantin-krylc>.
6. Кутырев В.А. Разум против человека (Философия выживания в эпоху постмодерна) / В.А. Кутырев. – М.: ЧеРо, 1999. – 230 с.
7. Ленин В.И. Лев Толстой, как зеркало русской революции / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. (5-е изд.), в 55 т. Т. 17. – М.: ИМЛ, 1967. – 655 с.
8. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления / М.К. Мамардашвили. – М.: Прогресс; Культура, 1993. – 352 с.
9. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. – М.: Весь Мир, 1997. – 704 с.
10. Попов С.И. К вопросу о предназначении философии / С.И. Попов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 3(28). – С. 156-164.
11. Рассел Б. История западной философии. В 3 кн. / Б. Рассел. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. – 815 с.
12. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней / Дж. Реале, Д. Антисери. – В 4 т. Т. 2. Средневековье. – СПб: Петрополис, 1994. – 368 с.
13. Рожанский И.Д. Эволюция образа учёного в Древней Греции / И.Д. Рожанский // Вопросы истории естествознания и техники. – 1980. – № 1. – С. 30-37.
14. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания / В.С. Соловьев // Соловьев, В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 139-288.
15. Фрагменты ранних греческих философств / сост. А.В. Лебедев. – Ч. 1. – М.: Наука, 1989. – 576 с.
16. Хайдеггер М. Что это такое – философия? / М. Хайдеггер // Вопросы философии. – 1993. – № 8. – С. 113-123.
17. Чайковский Ю.В. Два Фалеса – поэт и математик / Ю.В. Чайковский // Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная науч. конф-я, 2007. – М.: ИДЭЛ, 2008. – С. 314-315.
18. Чайковский Ю.В. Откуда у греков взялась наука? / Ю.В. Чайковский // Химия и жизнь. – 1998. – № 4. – С. 79-82.
19. Чайковский Ю.В. Фалесова наука в историческом контексте / Ю.В. Чайковский // Вопросы философии. – 1997. – № 8. – С. 151-165.
20. Чайковский Ю.В. Что же он умел, первый философ? / Ю.В. Чайковский // Знание – сила. – 1996. – № 1. – С. 72-79.
21. Эко У. Маятник Фуко / У. Эко. – СПб: Симпозиум, 1998. – 764 с.